

УДК 271

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-177-186

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ С 70-Х ПО 80-Е ГГ. XX В. ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОСТИ

Сазонов Д.И. (Прот. Дмитрий Сазонов)

Общецерковная аспирантура свв. Кирилла и Мефодия

156007, г. Кострома, ул. Некрасова, д.66 кв. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен феномен возвращения интеллигенции в Русскую Православную Церковь в 70-е – 80-е гг. XX в., фактор возрастающей религиозности части интеллигенции рассматриваемого периода. Показано, что протест против постулатов социалистического строя (разочарование в официальной партийной доктрине, превратившейся в мертвую догму) породил в среде интеллигенции диссидентское движение, которое в широком смысле было надконфессиональным. Вместе с тем часть диссидентов ясно определила свою конфессиональную идентичность. Протест «православных диссидентов» был направлен не только против политики партийно-государственного аппарата, но и против «молчащей Церкви». На основании изучения фактора религиозности интеллигенции понятно, что, в отличие от ярко выраженного протестного движения, была обозначена и другая позиция его участников, ищущих идеалов. Многие их представители, объединяясь вокруг духовников и церковных братств, выражали желание находиться в Церкви, видели в ней определенную интеллектуальную, миссионерскую среду.

Ключевые слова: интеллигенция, молодежь, духовник, братства, диссидент, священник, образование.

THE INTELLIGENTSIA AND THE CHURCH FROM THE 70S TO THE 80S OF THE TWENTIETH CENTURY. THE FACTOR OF RELIGIOUSNESS

D. Sazonov

The Church post-graduate them. St. Cyril and Methodius

156007, Kostroma, Nekrasov str., 66 1 sq., Russian Federation

Abstract. The article considers the phenomenon of the return of intelligentsia to the Russian Orthodox Church in the 70s – 80s of the twentieth century. The increasing religiousness of some part of intelligentsia of the period under review is described. The reason for protesting against the postulates of the socialist system was the disappointment in the official party doctrine, which had turned into a dead dogma. It is shown that the protest against the tenets of the socialist system gave rise to the intelligentsia's dissident movement, some of which had defined their religious identity, however, in a broad sense, were non-denominational. The "Orthodox dissidents" protest was directed not only against the policies of the party-state apparatus, but also against the "silent Church." Based on the study of the factor of intelligentsia's religiousness, in contrast to the pronounced protest movement presented the other position seeking ideals of

the intelligentsia, mostly gathered around the clergy and Church brotherhoods, expressed in the desire to be in a Church, created in her a certain intellectual, missionary environment.

Key words: intelligentsia, youth, the Confessor of the brotherhood, dissident, priest, education.

Несмотря на устоявшиеся в советской историографии стереотипы о преобладании в «брежневский период» СССР безрелигиозного или «равнодушного к религии» общества, а также утверждения, согласно которым малое количество религиозного населения Советского Союза, состоящее в основном из людей пожилого возраста, вело лишь обрядовую жизнь (посещение богослужений, соблюдение лишь обрядовой стороны религиозного культа), религиозная жизнь на территории СССР, в частности Центральной России, была многообразной. Это многообразие религиозной жизни было представлено посещением духовников, часто находящихся в отдаленных приходах, объединением людей в братства, сестричества, сохранением малых монашескующих общин, которые состояли, в основном, при монашескующих священниках (бывших насельников тайных монастырей). Желаясь соприкоснуться с монашеским подвигом, духовным наставничеством, посещали общины архимандрита Тавриона (Ботозского), архимандрита Павла (Груздева), архимандрита Михея (Хархарова), ищущая понимания и интеллектуального постижения Евангелия молодежь, духовный, миссионерский авторитет которых объединил людей (в основном интеллигенцию), посещала священников: протоиерея В. Шпиллера, прот. А. Меня, прот. Д. Дудко [10, с. 33–34].

Община протоиерея А. Меня была объединена, и вместе с тем, ввиду не-обходимой конспирологии, состояла

из евангелистических малых групп, которые объединяли ищущих духовность интеллектуалов. В «меневской» общине наличествовали все черты внесистемной вольной академии. Верующая интеллигенция среднего и старшего возраста объединялись вокруг духовности московского протоиерея В. Шпиллера, миссионерского проекта протоиерея Дмитрия Дудко. Московскую и ленинградскую интеллигенцию объединяла память о братствах 20–30-х гг. о подпольных общинах, которые существовали вплоть до начала 60-х гг. XX в. как на территории Поволжья, так и на Кавказе, в Грузии [3, с. 246–247]. В начале 90-х эти подпольные общины получили легальное существование и оформление в виде Союза православных братств, а в 60-е годы воспоминания о братствах и сестричествах объединяли прихожан. Такой была пустынька под Ригой архим. Тавриона (Ботозского), братства архим. Серафима Батюкова, свящ. Бориса Васильева, свящ. Николая Голубцова, свящ. С. Мечева, свящ. А. Жураковского и др. Дети тех, кто когда-то входил в приходские братства 1920-х – 1930-х гг., стали священниками, стремились воплотить идеалы общины-прихода в жизнь. Из таких общинных форм, как философско-религиозные семинары и кружки, где читались лекции по богословию и религиозной философии, из подпольных академий, объединявших интеллигенцию, и возникнет потом Свято-Тихоновский Православный университет, профессорско-преподавательскую корпорацию которого и

составит интеллигенция из подпольных братств.

К 70-м гг. XX в. в Советском Союзе сложилась интересная религиозная ситуация. Интеллигентская среда была неоднородна. В 50-е гг. с укрупнением колхозов и освоением Целины была подорвана социальная база религиозной крестьянской общины. «Шестидесятники», ставшие знаменем творческого подъема молодежи, выступали за социально ориентированное государство, за высокодуховный социализм с «человеческим лицом», были романтиками, но не были людьми религиозными. Совершенно неожиданным для советского общества стал религиозный подъем конца 60-х – начала 70-х гг., когда среди городского населения религиозность колебалась в районе 30%, что подтверждала статистика конца 70-х гг., а среди сельского населения – в районе 15–20% [8, с. 8]. Советский религиовед П.К. Курочкин в 1970 г. отмечал, что в Церковь наметился приток молодежи из среды интеллигенции, желающей стать священниками, и что, несомненно, приток молодых кадров «окажет большое влияние как на саму Церковь, так и на ее положение и влияние в обществе» [7, с. 108–111]. Надо сказать, что именно в 70–80-е гг. увеличилось количество поступающих в духовные школы молодых людей, многие из которых имели высшее или среднее специальное образование. Однако многие из них не были приняты в духовные школы, в связи с жесткой установкой властей – не принимать абитуриентов с высшим образованием. В 60–70-е гг. под особый контроль государственных органов был взят процесс поступления в духовные учебные заведения. Аби-

туриентам с высшим образованием, как уже было выше сказано, под различными предложениями администрацией Духовных учебных заведений было отказано в поступлении, а те, кто даже по недосмотру властей все же смог поступить, отчислялись под различными предложениями. Так абитуриенту А. Баранову было отказано в поступлении в Московскую духовную семинарию в связи с тем, что ему, как специалисту, «необходимо быть там, где решается вопрос о подъеме сельского хозяйства» [5, с. 23]. Наряду со строгим контролем по отношению к поступлению в духовные заведения и невозможностью получить рукоположение во священники после окончания Семинарии, в 70-е гг. возникло явление, когда желающие рукоположения лица с высшим образованием рукополагались у провинциальных архиереев; некоторые из них, ввиду невозможности оставить гражданскую службу, как, например, профессор Г. Каледа, рукоположенный в 1972 г. в Ярославле митрополитом Иоанном (Венландом), были тайно ими посвящены в священнический сан. Другие находили понимание и сочувствие у епархиальных архиереев в околостолличных епархиях и, получив рукоположение, были отправлены на сельские приходы, чтобы не раздражать областных уполномоченных. В Ярославской епархии проходил свое служение протоиерей Михаил Ардов, в Костромской епархии – священник Г. Эдельштейн, рукоположенный в Курске архиепископом Хризостомом (Мартишкиным) в 1979 г. Один начал свое служение в с. Горинском Даниловского района Ярославской области, другой – настоятелем в с. Коровино Белгородской области.

Однако, как уже говорилось, некоторым интеллигентам все же удавалось пройти вступительные экзамены и быть зачисленными в Духовные учебные заведения. В 1978 г. в Московскую духовную семинарию поступил В. Воробьев, будущий протоиерей, окончивший аспирантуру МГУ, в середине 80-х гг. в Московскую духовную семинарию поступили выпускники светских высших учебных заведений – будущие священники: В. Цыпин, А. Салтыков и многие другие. Как пишет Б.А. Филиппов, именно в послехрущевское время с приходом в Церковь интеллигенции, формируется интеллектуальная среда, из которой в нее придут окончившие советские вузы верующие и священники 90-х [12, с. 479]. Показателен рост числа духовенства с высшим светским образованием в провинции: если в Костромской епархии в 60-е гг. не было ни одного священнослужителя со светским высшим образованием, то в 1979 г. был уже 1 (даже с вузовской аспирантурой), в 1988 г. – 3¹. О количестве интеллигенции, пришедшей в Церковь, могут косвенно свидетельствовать факты крещения детей. Из 100% крещеных и официально зарегистрированных в 1975 г. в Костромской области детей, 20% приходилось на долю тех, родители которых были служащими и представителями интеллигенции [10, с. 35], другие приходились на долю родителей-рабочих и колхозников. Причем мы должны учитывать, что большая доля людей скрывала факты крещения, различными путями обходя официальную регистрацию, а многие

из крещеных интеллигентов пришли к вере в совершеннолетнем возрасте [15, с. 412].

Нельзя не упомянуть, что с середины 60-х гг. представители научной интеллигенции, такие, как академик Д.С. Лихачев, Л.А. Арцимович, С.П. Королев, М.В. Келдыш, имели духовников и приезжали к ним в провинцию. В 70–80-е гг. такое явление можно было считать довольно значимым [14, с. 390]. Протоиерей Борис Старк, духовник многих представителей творческой интеллигенции, в своих воспоминаниях оставил свидетельство веры офицера, пожелавшего креститься несмотря ни на какие последствия для карьеры [11, с. 782]. Следует рассматривать такой шаг, сознательно сделанный человеком, как поступок, как нечто неординарное. Страх потерять карьеру, работу, место учебы многих останавливал на пути желания быть в Церкви. Неотъемлемой чертой тех лет были отчисления особо религиозных студентов из светских учебных заведений [9, с. 49].

В середине 60-х – начале 70-х гг., в среде образованной молодежи, воспитанной в нерелигиозных, а подчас и атеистических семьях, возникло движение возвращения в Церковь. Движение новообращенцев-неофитов из интеллигенции, пришедших в Церковь на протестной волне, было немногочисленным, но активным. Оно проявилось в создании кружков и семинаров религиозно-философского, евангельского толка, в распространении самиздата, открытых писем, направленных как в государственные, так и в церковные инстанции, проявлении религиозного диссидентства, где иногда главным было диссидентство, сопровождавшее-

¹ Архив Костромского Епархиального управления. Отчет Костромской епархии за 1988 г. С. 4–5 [машинописный текст].

еся религиозной тематикой. Такое движение, названное «православное диссидентство», было новым явлением в истории нашей страны [1, с. 196]. Оно не было многочисленным и повсеместным, охватывало лишь представителей столичной интеллигенции и интеллигенции крупных городов. Как писал Б.А. Филиппов, «партийную либеральную интеллигенцию в нашей стране могли возмущать методы хрущевской борьбы с религией и Церковью, но ни религия, ни Церковь, никакие другие религиозные организации симпатии у них не вызывали» [12, с. 478]. Советской интеллигенции, ориентированной на достижения социалистического строительства, экономический подъем и пропагандистские успехи, религия представлялась как анахронизм, «пережиток прошлого». В избранном формате она ничем не отличалась от либеральной интеллигенции западноевропейских стран [12, с. 478]. Исследуя вопрос протестного движения в СССР, Л. Алексеева обозначила процесс обращения интеллигенции к своим духовным корням не столько возрождением церковности и духовности, сколько следствием распада и разложения официальной идеологии «госатеизма». Она отмечала, что обращение ищущей интеллигенции к национальному и религиозному аспектам, которые выражали живую веру человека в религиозные истоки мира, в отличие от выдохшейся романтики социализма, произошло на фоне деградации официальной идеологии. Появились писатели-«деревенщики» В. Распутин, В. Солоухин и др., проводниками «возвращения к духовно-национальным корням», основой которых является Православие, стали многие священни-

ки из новообращенных интеллигентов. Появились христианские комитеты: Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа, Хельсинкская группа, Христианские семинары и религиозно-философские кружки А. Огородникова и В. Пореша, Т. Щипковой и т.д. Деятельность семинаров и кружков религиозно-философской направленности не ограничивалась собраниями и чтениями. Именно они подняли тему борьбы государства против религии и, широко осветив ее, выступили с протестом против происходившего беззакония. С середины 70-х гг. в определенных кругах широко был представлен самиздат: журналы «Вече», «Надежда», «Вольное слово», «Русское возрождение», «Община», «В свете преображения». Содержание их раскрывает всю палитру духовных поисков интеллигенции: в них мы найдем статьи, раскрывающие опыт святых отцов, истории обращений к вере и хроники беззакония по отношению к Церкви, письма духовников (см., напр. [4]). В Церкви появилась небольшая группа священников и мирян из интеллигенции, которые в письмах, обращенных к Патриарху и мировой общественности, протестовали против проводимой властями антирелигиозной политики. Назовем некоторых из них: священники Глеб Якунин, Николай Эшлиман, Дмитрий Дудко, Василий Романюк, иеродиакон Варсонофий Хайбулин, миряне Александр Солженицын, Игорь Шафаревич, Владимир Борисов, Борис Таланов, Игорь Шафаревич, Лев Регельсон, Зоя Крахмальникова, Виктор Капитанчук и др. Они не желали замалчивать положение «угнетенной

Церкви» и на различных трибунах и международных форумах высказывали свое отношение к происходящему [16, с. 149]. Однако, как было уже сказано, не следует переоценивать это движение и результаты его деятельности, которые не получили поддержки ни в церковной среде, ни в обществе в целом. В церковной среде указанные выше люди были выскочками, пришедшими в Церковь через гражданское правозащитное движение, протестное движение. Они были полны энтузиазма по поводу обретенной веры, полны либеральных идей, особенно те из них, кто происходил из еврейской интеллигенции: А. Левитин-Краснов, Ф. Карелин и др. Многие были недовольны выдержанной позицией руководства Патриархии по отношению к государственным органам, наряду с продолжающимися фактами притеснения религии, критиковали священноначалие за нерешительность, нежелание протестовать по поводу нарушения прав верующих, нежелание борьбы против «угнетения государством Церкви». Как говорили в то время, они пришли «не учиться у Церкви, а учить», они поверили в свою харизматичность и видели в христианстве главным образом альтернативу существующему строю. Многие из них были осуждены как гражданским правосудием, так и церковной властью. Были осуждены на различные сроки заключения священники Г. Якунин, миряне Б. Таланов, В. Капитанчук. Священники Н. Гайнов, Н. Эшлиман и Г. Якунин были лишены приходов. В общине о. Всеволода Шпиллера произошел конфликт со старостой, а после его письма А.И. Солженицыну, в котором он критиковал позицию писателя по отношению

к руководству Русской Православной Церкви, наметился отток интеллигенции от него. Многих разочаровало публичное покаяние Дмитрия Дудко, В. Капитанчука и Л. Регельсона. Как писала Л. Алексеева про священника Г. Якунина: «среди священников он остался одиноким в своем начинании, ему никто не последовал» [1, с. 194].

Однако даже лишившись возможности нести свои идеи, по выражению Е. Барабанова, «старушечьей Церкви» [2, с. 196], эти люди продолжали свою протестную деятельность уже в качестве гражданских лиц. Конфессиональная принадлежность адептов движения их не смущала. В 1971 г. А. Краснов-Левитин в своем последнем слове на суде сказал, что задача христианина заключается не только в том, чтобы посещать церковь, но в том, чтобы воплощать идеалы Христа – защищать угнетенных независимо от их религиозной принадлежности [13]. Общее мнение правозащитной христианской интеллигенции хорошо выражено словами того же Е. Барабанова, который говорил, что христианская активность должна вести к воплощению христианских идеалов в жизнь, «а через нее, к преображению мира» [2, с. 192, 197].

К сожалению, правозащитникам и диссидентам пришлось столкнуться с позицией, которую они называли «комфортабельным христианством». Воцерковляющаяся интеллигенция не была однородна, многие представители обращенной в христианство интеллигенции находили отдушину протеста политике «государственного атеизма» в богослужбной жизни, в следовании евангельским идеалам, в желании обрести внутреннюю свобо-

ду, посредством личного спасения и следования постулатам Церкви, но не в провозглашенной правозащитниками «христианской ответственности за мир» [1, с. 202]. Л. Алексеева в своей монографии «История инакомыслия в СССР» отмечает, что в подавляющей массе православные прихожане и православная интеллигенция не принимали участия в гражданском сопротивлении государственной политике ущемления религиозных свобод, в частности, свободы совести, более того, они осуждали такое сопротивление как «нехристианское». Она пишет, что письма христианских правозащитников, в частности священников Г. Якунина и Н. Эшлимана, вызывали в церковных кругах отрицательную реакцию: их упрекали в том, что они вместо молитвенного упования руководствовались в своих действиях «гордыней», что деятельность христианских правозащитников «ограничивалась несколькими письмами в самиздате (в основном анонимными) и пересудами в церковной и околоцерковной среде» [1, с. 202].

Существует неоднозначная оценка результатов писем в защиту гонимой Церкви, направленных правозащитниками в различные инстанции: от Патриарха, епископата Русской Православной Церкви, председателя Президиума Верховного Совета СССР до председателя Всемирного Совета Церквей Филиппа Поттера. Священник Георгий Эдельштейн в своей книге «Право на правду» приводит слова протоиерея Александра Меня, высказывающего пессимистическое суждение о результатах подобных обращений. Мень говорил, что главной насущной задачей христианина является пропо-

ведь Евангелия и богослужение [15, с. 494]. Правозащитное движение в православной интеллигентной среде не было поддержано верующим народом. Оно не было поддержано иерархией, и в 80-е гг. в православной среде сложилось скорее скептическое отношение к проявлению такого вида протеста [1, с. 202]. Созвучную позицию, выраженную о. Александром, обозначил и член Священного Синода, ныне почётный Патриарший Экзарх всея Беларуси, митрополит Филарет (Вахромеев), который, оценивая деятельность протестующих священников, говорил, что «их письма принесли много вреда Русской Православной Церкви, почти достигшей в лице общения священноначалия с государственными и партийными чиновниками компромисса в области смягчения как религиозного законодательства, так статуса священника на приходе» [15, с. 444].

Однако автор «Права на правду» свящ. Г. Эдельштейн утверждает, что эффект от выступлений против нарушения религиозных свобод все-таки был, и он видится в публичном высказывании правды [15, с. 448]. Идентичное мнение косвенно может подтвердить высказывание консультанта в Отделе пропаганды ЦК КПСС Э.И. Лисавцева, который неоднократно указывал, что на корректировку правительственного курса в отношении Церкви повлияло оказываемое населением пассивное и активное сопротивление [6, с. 316]. Подтверждает данную мысль то обстоятельство, что в январе 1964 г. за подписью полковника Ф.Д. Бобкова соответствующим отделом КГБ (4 отдел 5 управления КГБ – прим. авт. Д. С.) была подготовлена записка «Об отрицательных послед-

ствиях антирелигиозной компании». 10 ноября 1964 г., всего месяц спустя после смещения Н. Хрущева, было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором осуждались действия властей, в частности, на местах, часто сопровождавшиеся оскорблением чувств верующих. Поспешность, с которой новые лидеры страны стали исправлять ошибки, допущенные Хрущевым в отношении религии, также свидетельствовали об остроте проблемы и масштабе недовольства людей антирелигиозной политикой государства. После принятия в январе 1965 г. постановления «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», значительная часть незаконно осужденных верующих была реабилитирована, возвращена из ссылок и поселений, было отменено много ранее принятых судебных решений [12, с. 480].

Таким образом, в середине 1960-х гг. часть ищущей советской интеллигенции, ввиду бесперспективности и деградации официальной идеологии, в качестве протеста системе нашла выход в религиозном, в ряде случаев религиозно-националистическом, а чаще всего – в православном мировоззрении. Процесс прихода в Церковь новообращенной интеллигенции был неоднозначен, как в количественном аспекте, так и в позиционировании себя как «спасителей Церкви от притеснения богоборческой власти». Многие религиозные диссиденты так и не нашли себя в официальной Церкви, предпочтя ей формат диссидентства. Другие не только стали «своими» в Церкви, но и придали ей облик интеллектуальной среды. Однозначно можно сказать, что пришедшая в 70–80-е гг. интеллигенция своим мессианским вдохновением возглавила процесс церковного возрождения 90-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. Вильнюс; Москва: Весть, 1992. 352 с.
2. Барабанов Е.В. Раскол церкви и мира // Из-под глыб. Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1974. С. 140–157.
3. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. «Арефа», 2008. 352 с.
4. Вольное слово (Самиздат. Избранное). Выпуск 44: «Надежда», отрывки из №№ 2, 3, 4, 5, 6. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 95 с.
5. Гордун С., свящ. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год (краткий исторический очерк) // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 1. С. 11–24.
6. Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР / Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1975. 316 с.
7. Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. 273 с.
8. Морозов М. А., Лисавцев Э. И. Актуальные задачи атеистического воспитания. М.: Знание, 1970. 146 с.
9. Сазонов Д.И. Брежневские гонения на Церковь (по материалам Центральной России) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 46–50.

10. Сазонов Д.И. Сопrotивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 4. С. 32–37.
11. Старк Б., прот. Вся моя жизнь – чудо. Воспоминания и проповеди. М.: ПСТГУ, 2009. 800 с.
12. Филиппов Б.А. Очерки по истории России. XX век: учебное пособие. М.: ПСТГУ. 2009. 720 с.
13. Хроника текущих событий. Выпуски хроники: 20 (2 июля 1971 г.) // Мемориал [сайт]. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (дата обращения: 05.12.2017).
14. Черных Н.А. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль: Китеж, 2013. 592 с.
15. Эдельштейн Г., свящ. Право на правду. М.: [б/и], 2016. 504 с.
16. Якунин Г. О современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России // «СССР: Внутренние противоречия» / Под ред. В. Чалидзе. Вып. 3. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1982. С. 149–197.

REFERENCES

1. Alekseeva L.M. [The history of dissent in the USSR: the newest period]. Vilnius, Moscow, Vest' Publ., 1992. 352 p.
2. Barabanov E.V. Raskol tserkvi i mira [The split of the Church and the world]. Iz pod glyb. Sbornik statei [From under the rocks. A collection of articles]. Paris, YMCA-Press Publ., 1974, pp. 140–157.
3. Beglov A.L. [In search of "sinless catacombs". The Church underground in the USSR]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2008. 352 p.
4. [Free word (Samizdat. Favorites). Iss. 44: "Hope," extracts from No. 2, 3, 4, 5, 6]. Frankfurt on Main, Posev Publ., 1981. 95 p.
5. Gordun S., svyashchennik. [The Russian Orthodox Church in the period from 1943 to 1970 (brief historical sketch)]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [The Journal of the Moscow Patriarchate], 1992, no. 1, pp. 11–24.
6. Lisavtsev E.I. [A critique of the bourgeois falsification of the position of religion in the USSR. Ed. 2nd, augm.]. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 316 p.
7. Kurochkin P.K. [The evolution of the modern Russian Orthodoxy]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 273 p.
8. Morozov M.A., Lisavzav A.L. [Actual problems of atheist education]. Moscow, Znanie Publ., 1970. 146 p.
9. Sazonov D.I. [Brezhnev's persecution of the Church (Central Russia)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasov* [Bulletin of Kostroma State University, named after N.A. Nekrasov], 2015, no. 6, pp. 46–50.
10. Sazonov D.I. [The resistance of the clergy to the reform of parochial management of 1961 (according to the materials of Yaroslavl and Kostroma regions)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. [Bulletin of Kostroma State University, named after N.A. Nekrasov], 2015, no. 4, pp. 32–37.
11. Stark B., protoierei. ["My whole life is a miracle." Memoirs and sermons]. Moscow, PSTGU Publ., 2009. 800 p.
12. Filippov B.A. [Essays on the history of Russia. The twentieth century]. Moscow, PSTGU Publ., 2009. 720 p.
13. Khronika tekushchikh sobytii. Vypuski khroniki: 20 (2 iyulya 1971 g.) [Chronicle of current

- events*. News releases: 20 (2 July 1971)]. Memorial [website]. Available at: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/index.htm> (accessed 05.12.2017).
14. Chernykh N.A. [The last of the Mologa. Biography of Archimandrite Paul (Gruzdeva)]. Yaroslavl, Kitez Publ., 2013. 592 p.
15. Edel'shtein G., svyashchennik. [The right to the truth]. Moscow, 2016. 504 p.
16. Yakunin G. O sovremennom polozhenii RPTS i perspektivakh religioznogo vozrozhdeniya Rossii [On the current situation of the Russian Orthodox Church and the prospects for religious revival Russia] SSSR: Vnutrennie protivorechiya [USSR: Internal contradictions]. V. Chalidze ed. Issue 3. New York, Chalidze Publications, 1982, pp. 149–197.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сазонов Дмитрий Иванович – кандидат богословия, протоиерей, Костромская епархия;
e-mail: sazonow63.12@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry I. Sazonov – candidate of theology, Archpriest, Kostroma diocese;
e-mail: sazonow63.12@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сазонов Д.И. Интеллигенция и церковь с 70-е по 80-е годы XX века. Фактор религиозности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 177–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-177-186

FOR CITATION

D. Sazonov. The Intelligentsia and the Church From the 70s to the 80s of the Twentieth Century. The Factor of Religiousness. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 177–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-176-186